

Меня попросили написать вступление к книге «Аз и Я», выходящей спустя десятилетия после первой публикации. Сочинять предисловие к не первому изданию некогда шумной книги — занятие непростое. Пришлось вспоминать и порой лестные для автора моменты ее биографии.

Бестселлер по-советски

Можно впасть в нескромность, но это факты: книгу перепечатывали на машинке, переписывали от руки, давали читать на одну ночь за определенную плату; на черных книжных рынках в разных регионах СССР цены прыгали от ста номиналов до полутора тысяч, а в одной республике отчаянный читатель отдал за книгу своего «жигуля». Нельзя сказать, что тираж был мизерный (двумя заводами выходила, я видел в выходных данных и 50 тысяч экземпляров, и 100 тысяч), но не хватало. В условиях рынка столь повышенный спрос вызвал бы многократные издания бестселлера. У нас такой популярности были не рады ни издатель, ни автор.

Теперь, итожа пережитое, можно уверенно сказать, что ни одна книга, изданная в советском издательстве в 1970–1980-е годы, не была так активно востребована. Ее прочли и элитный читатель, и массовый, и диссидентствующий, и власти — от местных до членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем.

Сотни писем. Первые два я особо запомнил. Через несколько дней после выхода книги, в конце лета 1975 года, пришло письмо от Константина Симонова. Отпечатанное на машинке (поэтому в прошлом году в архиве, сохраненном сыном писателя, удалось найти копию). Симонов предсказал книге трудную судьбу, но обещал быть рядом. Более эмоционально отписал литовский поэт Эдуардас Межелайтис: «Не знаю, как там с наукой, но книга — гениальная». Такие гиперболы надолго запоминаются автором. Об «Аз и Я» начали писать московские, азербайджанские, эстонские, грузинские, украинские, венгерские газеты; круг расширился, пока главный идеолог Михаил Суслов не хлопнул с размаха книгой по столу. После его выступления на идеологическом совещании в конце 1975 года в московских журна-

лах пошли совсем темные публикации. Черного ко- лера в них становилось все больше. Книгу изъяли из библиотек, из продажи. Но не до всех сельмагов указание члена Политбюро дошло. Московские ар- тисты напрашивались на гастроли в казахстанские области, катались там по селам и возвращались с че- моданами «запретного плода» (рассказал Игорь Кваша). «Аз и Я» задела какие-то ранее не тронутые участки общественного сознания. И эти прикосно- вения вызвали неожиданную реакцию во всем об- щественном организме. Прежде всего, в интеллек- туальной среде — писательской, артистической, на- учной.

Современному молодому поколению, привык- шему к вольному слову в СМИ, Интернете, не по- нять масштабов и температуры реагирования насе- ления советской державы середины 70-х на любое проявление писательского слова, выражавшего не антисоветизм, нет, а просто свободу мысли.

В начале 1986 года журнал «Проблемы коммуни- зма», выходящий в США, писал: «Горбачевская пере- стройка стала результатом перестройки сознания со- ветского общества, которую подготавливали такие книги, как «Аз и Я»».

...В середине января 1976 года в ЦК Компартии Казахстана из аппарата Сулова поступила бумага под грифом «срочно», где сообщалось, что такого-то числа этого месяца в ЦК КПСС состоится совеща- ние трех отделов — науки, пропаганды, культуры, где будет обсуждена книга «Аз и Я», выпущенная из- дательством «Жазушы» в Алма-Ате. Следует коман- дировать на данное совещание автора книги и заве- дующих тремя соответствующими отделами ЦК рес- публики. Меня срочно пригласил для разговора В. Месяц — второй секретарь нашего ЦК. «Ехать по- ка не надо. Мы пошлем заключение врачей — воспа- ление легких. Посмотри на окно, какие морозы сто- ят, а ты бегаешь по утрам. Не жалеешь себя. Попиши в санатории. Но не продолжение «Азии». Стихи по- пиши. К середине февраля будешь абсолютно здо- ров, тогда и поедешь, куда пригласят. Или куда по- шлют».

Через десяток лет я узнал от Димаша Ахмедовича Кунаева, к тому времени ушедшего на пенсию, неко- торые подробности тех обстоятельств.

Роль Брежнева

Совещание трех отделов должно было завершиться постановлением ЦК КПСС о книге «Аз и Я» как произведении идеологически незрелом, содержа- шем настроения националистического, пантю- ркистского характера. В проекте этого документа (второго после постановления ЦК КПСС от 1948 го- да, где речь шла о книгах Зощенко и Ахматовой) го-

ворилось и о том, что выход такой книги свидетель- ствует о крайней запущенности идейно-воспита- тельной работы в республике. Такое постановление, принятое как раз накануне очередного съезда Ком- партии Казахстана (он открывался 4 февраля), силь- но ударило бы по республике, которую в СССР на- зывали «лабораторией дружбы народов».

Понимая это, Кунаев и Месяц, экстренно обсу- див ситуацию, выработали план спасения. С первым пунктом его и познакомил меня Валентин Карпо- вич. Не объяснив, правда, почему я должен болеть до середины февраля.

Кунаев, готовя съезд, не раз в январе бывал в Москве. В один из первых приездов встретился с Брежневым. Рассказал о готовящемся обсуждении и о том, какие могут быть последствия для респу- блики, которую Генсек в нескольких докладах лю- бовно назвал «мой Казахстан». Передал злополуч- ную книгу.

— А сам-то читал? — спросил Леонид Ильич. Он уже начинал говорить с паузой между словами.

— Два раза, дорогой Леонид Ильич. С каранда- шом. Ничего не понял!

Брежнев довольно хохотнул и придвинул томик поближе:

— Не понял, говоришь. Интересно.

— Но никакого национализма, дорогой Леонид Ильич, или какого-то пантюркизма там нет! Это я вам, дорогой Леонид Ильич, как коммунист говорю! Заинтригованный Брежнев полистал книгу. И, прощаясь, пообещал:

— Прочту.

В самом начале февраля, когда уже все руковод- ство республики трясла предсъездовская лихорадка, Кунаев позвонил Брежневу, доложил о текущих де- лах и в конце разговора решился спросить: нашлось ли время прочесть? «Никогда так не волновался», — признался мне Димаш Ахмедович. Понять его со- стояние можно. Если Генсеку увиделись бы в книге те «хвосты» (измы), Сулов успел бы организовать несколько нужных выступлений на съезде, что ска- залось бы на результатах выборов руководства.

— Прочел, — наконец ответил Брежнев.

Еще одна тягостная пауза.

— Никакого там национализма нет, — медленно, с расстановкой произнес Леонид Ильич. — И анти- советчины нет. (По словам Кунаева, ответ маршала был по-солдатски более выразительным: «Ни хрена нет». Но в мемуарах члену Политбюро пришлось от- корректировать.)

Окрыленный Кунаев решился тут же еще более укрепить позиции:

— Дорогой Леонид Ильич, а можно на съезде мы изберем этого бузотера в состав ЦК? Дисциплини- рованной станет.

— Если достоин, избирай.

— Но Суслов будет против.

— А при чем тут Суслов? В республике ты хозяин.

Долгие дружеские отношения этих двух людей, я считаю, благотворно сказались на развитии Казахстана. Генсека, осмеянного сатириками за взаимную любовь к героическим звездам и смачным поцелуям взасос, советский народ запомнил как анекдотического героя с нарушенным речевым аппаратом, с замедленной реакцией — эдаким «тормозом», каким он действительно становился в последние годы политической власти. Но историкам стоило бы повнимательней присмотреться к этой фигуре. Особенно к результатам деятельности Брежнева в первое десятилетие его мандата — с 1964 года до середины 1970-х. Не только цифры, но и книги, и фильмы, и научные успехи скажут, что это были годы наивысшего экономического и культурного подъема СССР. Никогда прежде темпы экономического развития не поднимались до 9% в год. Такого показателя, понятно, не будет при следующих руководителях — Андропове, Черненко, Горбачеве. В те годы можно было почувствовать, насколько взаимосвязаны хозяйство и культура. Великая наука, великое кино, музыка, поэзия «шестидесятников» — все это в эпоху раннего Брежнева.

На моих оценках может сказаться чувство благодарности за то, что Брежнев помешал осуществлению репрессивного суловского плана. Но даже без этого частного эпизода я как писатель знаю, что термин «страна великого читателя» возник и наполнился реальным содержанием в период первого брежневского десятилетия. Книги стихов выходили тиражами в десятки тысяч экземпляров. (В мире такого никогда не было и не будет, наверно.) Романы — сотнями тысяч, а то и миллионами («Роман-газета»). И не только в столице — по всей стране. Толстый литературный журнал «Жулдыз» печатался на казахском ежемесячным тиражом в 240 тысяч экземпляров. Тогда мы еще не агитировали с трибун за государственный язык, а массово публиковали интересную литературу на родном языке, и она доходила до каждой семьи. Почему бы сегодня не оглянуться на этот опыт и понять, что без литературы языку трудно? Я работал и председателем Госкино республики. Знаю количество кинотеатров в городах. В каждом крупном селе — клуб с киноустановкой. Годовой план по посещаемости в Казахстане — 250 миллионов зрителей. При 17 миллионах жителей. И план этот перевыполнялся. Так было в каждой республике. Страна великого читателя и великого зрителя! Научный факт. Была ли в этом заслуга Брежнева? Конечно. Во всем, что происходило в СССР в XX веке, во всем — и плохом, и хорошем — реально сказывалась ведущая роль партийного лидера.

В хорошем — сильного лидера, в плохом — слабого или катастрофически слабеющего, каким и предстает перед близорукими историками Леонид Ильич Брежнев.

Ученый «совет»

...4 февраля 1976 года в Алма-Ате прошел съезд Компартии Казахстана, где меня неожиданно избрали кандидатом в члены ЦК. Сразу в члены поостереглись, но и в этом статусе я включался в партийную элиту. Теперь применять ко мне репрессивные меры ЦК КПСС не мог. Иначе нарушение партийной этики: «только что оказали высокое доверие и тут же высекли». В достижении этой планки и заключался план Кунаева — Месяца.

Суслов вынужден был перевести обсуждение на другой уровень, уже не опасный для республики, — в Академию Наук СССР. Оно состоялось 13 февраля 1976 года, в здании отделения общественных наук Академии на Волхонке. Пропускали по списку. 47 академиков, членкоров, докторов. Меня сопровождали уже не три заведующих отделами, а лишь один — Санжар Жандосов, завотделом науки ЦК. А третьим был Геннадий Толмачев, зам. главного редактора издательства, выпустившего книгу. Все мы — давние друзья. Обсуждение началось ровно в 9 часов. Открыл его академик Борис Рыбаков вступительным словом. Оно было кратким и сильным:

— Товарищи, в Алма-Ате вышла яростно антирусская книга под названием «Аз и Я». Вы все ее прочли. Приступим к обсуждению.

Рыбаков за пару лет до этого опубликовал большую, красиво оформленную книгу, посвященную «Слову о полку Игореве», Академия выдвинула ее на соискание Ленинской премии. Все шло хорошо, и Рыбаков должен был ее получить уже в апреле ко дню рождения Ленина. Но тут совсем неожиданно «в какой-то Тмутаракани» возникает «Аз и Я», где в числе других работ критически рассматривается и труд Рыбакова. Так как вал популярности злойредной книги, набирая силу, катил в сторону апреля, уважаемый академик, естественно, увидел прямую диверсию, направленную против его будущей премии. И со всей страстью включился в кампанию по сокрушению этого явно антирыбаковского, а значит, яростно антирусского литературного набега. В результате такой активности он пробился в первые ряды суловской команды, что и помогло ему получить вожделенную премию.

(В 1985 году журнал «Коммунист» решил отметить 800-летие «Слова». Юрий Афанасьев, работавший в журнале, пригласил меня выступить со статьей в юбилейном номере. Статья Рыбакова уже была

набрана. Свою я принес позже. Академик, узнав, что и я печатаюсь, позвонил Афанасьеву с требованием не допускать Сулейменова в юбилейный номер: «Иначе я заберу свою статью».

— Забирайте, — ответил Юрий Николаевич. — Статья Сулейменова уже обсуждена, понравилась редакции, идет в набор.

— Он, наверное, опять меня критикует!

— О вас даже слова нет. Он пишет о поэзии памятника. А вы в поэтике не разбираетесь, поэтому и критиковать вас не за что.

— Тогда ладно! Оставляю свою статью.

Так мы однажды напечатались рядом.)

Обсуждение длилось до 18 часов, без перерыва на обед. В конце дали слово мне. Я тоже сказал кратко. «С некоторыми замечаниями уважаемых оппонентов я согласен. Но не со всеми. Категорически не приемлю оценку, данную академиком Рыбаковым. Я продолжаю считать, что вся моя книга — это признание в любви к «Слову», к русской культуре, к которой сам принадлежу большей частью своего воспитания и образования. Сожалею, что вы этого не увидели в книге, уважаемый Борис Александрович. Я знаю, некоторые люди привыкли, что в любви к великой культуре надо признаваться, стоя на коленях. Иная форма признания показалась непонятной и оскорбительной».

Протокол обсуждения был вскоре опубликован в академических журналах «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания». Но — без моего выступления.

Все началось с курсовой...

...Многолетняя читательская увлеченность «Словом» для меня не превратилась в профессию, в способ зарабатывания степеней, званий и гонораров. Меня кормили стихи, пока за них государство платило, и я мог себе позволить «бескорыстно» наслаждаться своими увлечениями: сначала «Словом», потом открытой мною тюркославистикой, универсальной этимологией, происхождением письменностей и богов. После развала СССР Республика Казахстан поддержала меня посольской зарплатой. И сутки разделились на две смены, как писал в одном письме: «Пока светло, работаю на государство, а ночью — на человечество!»

...Во время встреч с читателями меня часто спрашивали: «Как долго писалась книга?» Увлечение «Словом о полку Игореве» началось вполне случайно. Осенью 1958-го на первом курсе Литературного института им. Горького профессор Сидельников, преподававший древнерусскую литературу, распределил темы первых курсовых. Мне он поручил написать о восточных элементах в тексте «Слова».

Как опытному студенту (все-таки второй вуз!) мне надо было бы списать нужные сведения из учебника, сдать курсовую и получить зачет. Подвела Ленинская библиотека, куда я заглядывал почти каждый день: готовил дипломную работу «Механика образования соляных куполов Эмбинской нефтеносной структуры». Летом будущего года предстояла защита. (Закончив четвертый курс геофака в Казахском университете, я уехал в Москву, поступил в Литинститут. Мне разрешили написать диплом заочно.)

В «Ленинке» вспомнил о курсовой, заглянул в каталог, чтобы найти что-нибудь посерьезней учебника, и увидел сотни названий трудов, посвященных «Слову о полку Игореве». Заинтересовался, поискал среди них «о восточных элементах». Наткнулся на диспут членов Императорской Академии Корша и Мелиоранского, посвященный выяснению происхождения термина **кощей**, встречающегося, оказывается, не только в сказках и былинах, но и в «Слове о полку Игореве». Спор академиков, напечатанный в нескольких номерах журнала (не помню какого), в итоге свелся к общему выводу: **кощей**, скорее всего, произошел от слова **кошчи** — «слуга», «раб», принесенного в Древнюю Русь каким-то тюркским наречием.

И тут я вспомнил, что похожее слово часто слышал прошлым летом на преддипломной практике в Северо-Восточном Прикаспии.

Пять месяцев наш маленький студенческий отряд мотался на грузовике «Газ-51» по пустыне, собирая пробы воды из старых скважин и колодцев, чтобы потом сдать на анализ для выяснения, есть ли в какой-нибудь из проб следы нефти. Студенческая геология. С нами ездил местный старик — и объекты показывал (все колодцы в родной пустыне знал), и кашеварил. К неснимаемому халату намертво привинчен «Знак Почета» образца 30-х годов.

Мы пытались узнать о его заслуженном прошлом. Кем работал? На нефтепромыслах? Он уходил от прямого ответа: «Я кошчи, сынки. Любил ходить по земле туда-сюда. Всегда был кошчи, и сейчас с вами, выходит, кошчи». Мы переспрашивали: «Койши?» («пастух»). Он брезгливо отмахивался и терпеливо объяснял: «Я — кошчи. Это который кочует. Сейчас так уже не говорят. Настоящих кошчи не осталось. Не кочует казах, за дом держится: дома мешок картошки есть».

Спор с дореволюционными академиками

Я выписал в читальный зал все журналы с Коршем—Мелиоранским и тогда же впервые внимательно прочитал «Слово о полку Игореве» (школьная хрестоматия знакомила только с пересказом).

Предложенное членами Императорской Академии кощичи фонетически можно было сблизить с похожими словами, встречающимися в «Слове». Князь Игорь напал на кочевья Кончака на реке Каялы и, потерпев поражение, пересел в седло кошицево. По версии академиков — в седло слуги или раба. Кончак, если верить опере, своего высокого пленника, к тому же свата, не низвел до положения слуги-раба. Обращался как с равным. В другом месте поэмы меня поразил призыв автора: «Стреляй, господине, Кончака — поганого Кошея». (Через годы я понял, что это прозвучал голос не автора, а монаха-переписчика XVI века. Литература светского содержания смывалась с пергамента, он освобождался для священных книг. Некоторые произведения перед этим переносились на бумагу — более дешевый материал.

Переписчик свободно обращался с текстами не церковного содержания — редактировал, переводил на современный язык устаревшие речения. Дописывал, если нужно. Где мог, добавил «Слову» христианских выражений, явно не свойственных оригиналу, в котором ни разу не упоминается Иисус Христос, но часто языческие боги Велес, Стрибог, Дажьбог, Хорс... Определение **поганый** — «языческий», пришедшее из греческого церковного, противоречило характеру авторской речи.)

Содержание и этого места мешало согласиться с академиками. Едва ли половецко-го хана-победителя при всей ненависти к нему даже в запальчивости можно было наречь слугой или рабом!

Мне показалось, что **кощичи** — «кочевник» из лексикона орденноносца — более вписывалось в текст «Слова». И фонетически ближе, и по смыслу.

Игорь после поражения пересел из седла злата в седло **кошицево** (кочевника): в плену он, наверное, кочевал вместе с половцами. Христианин мог в ярости назвать Кончака **поганим кошеем** — «некрещеным кочевником». (Здесь даже лексические отличия **кощичи** и **кошей** свидетельствовали о том, что писаны были эти слова в разное время, разными людьми. Поэтически совершенное — из седла злата в седло кошицево — принадлежало автору; первохристиански заостренное на язычников Дикого Поля — перу монаха-переписчика XVI века. Этого стилистического разнобоя могли не заметить Корш и Мелиоранский: список «Слова» открыт недавно, изучение его только начиналось. У советской Академии времени разобраться было достаточно — весь XX век. Но не обратили внимание. А могли бы осуществить исследование и понять, что Кошций (Кошей) в раннем Средневековье могло быть обозначением обитателя Дикого Поля. В разных краях исторической Руси и, видимо, в разные времена образовались две формы этого нарицательного имени. В сказках чаще употребляется Кошей. В былинах,

записанных научной экспедицией Императорской Академии в Архангельской губернии, — Кошций. На мой взгляд, эта устная форма была ближе к исходной. В древнерусских письменных памятниках долгие, удвоенные согласные не обозначались из соображений экономии места. Даже **русский** в летописях и в «Слове» всегда **руский**. Поэтому и кошций должно было записаться сокращенно: **кощичи**. А в другом диалекте и в другое время — **кошей**. Но в «Слове» неожиданно собрались обе эти разновременные и разнодиалектные формы одного термина. Почему? «Вопрос ребром поставил и так стоять оставил». Это о себе, о нескольких подобных вопросах, обозначенных в книге и до сих пор упорно не замечаемых. Один и тот же предмет (или явление) в диалектах может называться по-разному (не о синонимах речь), но в литературном языке, тем более в отдельном произведении, это невозможно. И, если такое случается, значит, одна из лексем дописана в другое время).

...Почувствовав вкус первого успеха в споре с революционными академиками, я в несколько недель перечитал значительную часть работ о «Слове» из каталога. И понял, что курсовая пропала: объемы узанного не вмещались в несколько отведенных профессором страниц.

Хотя можно сказать, что курсовая все же состоялась, но через 16 лет под названием «Аз и Я». И сдавалась зачет не одному профессору Сидельникову, а Большому Читателю (не участников академического обсуждения имею в виду — во всяком случае, не всех). В книге упомянул забытое казахами «кошчи» как праформу древнерусского названия обитателя Дикого Поля, фигура которого в эпоху трехсотлетнего ига обрела почти сказочную фигуральность. Представления о неистребимом кочевнике нашли отчаянное воплощение в фольклорно-обобщенном образе Кошция (Кошея) Бессмертного.

В XVI веке влияние Дешт-и-Кипчака («Степи кипчакской»), простиравшейся от Алтая до Черного моря, ослабло. Кочевники, называвшие себя «казак», оттесняются с Днепра, Дона до Волги и далее до Яика. Активно проявляет себя в отношениях с Русью ханский Крым, откуда в русский язык попадает много огузских (турецких) слов и выражений, пополняя накопленный ранее запас тюркизмов, но не заменяя их. И, пожалуй, только в одном случае произошло вытеснение прежнего кипчакского термина новым, огузским.

Впервые в «Сказании о Мамаевом побоище» появляются древнерусские **кочевать**, **кочевой**, **кочевье**, **кочевник**.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера поясняется, что эти слова произошли от тюркского: **кос** — «поездка, путешествие, переселение». И тюркологи не поправили. А должны

были бы выяснить и сообщить, что в русский поступило не отдельное **коч** (**кос**), а уже в комплексе с **ев**, которое в турецком (а не в тех языках, которые упомянуты в «Словаре» Фасмера) обозначает «дом; жилище» (**ev**). Сложным **косев** («кочевое жилище», «дом кочевья») турки (и крымские татары побережья), уже перешедшие к оседлости, называли шатер, юрту. И походное жилище, устроенное на повозке, санях. (Такие, вероятно, и подсказали когда-то идею кареты.)

От основы **кочев** в русском произошли слова **кочевье**, **кочевать**, **кочевник**.

Полемика, не увидевшая свет

Академик Кононов, считавшийся главным тюркологом страны, на том обсуждении призвал ученых сфокусироваться на профессиональных недочетах книги, а не на политических промашках.

Следуя этому призыву, известный тюрколог Баскаков вскоре принес в журнал «Вопросы литературы» статью, где указал на незнание автором «Аз и Я» важного закона казахского словообразования. Он напомнил: суффикс деятеля — ши (-щи, — чи) в тюркских языках образует нарицательное имя деятеля, присоединяясь к имени существительному. Ни к прилагательному, ни, тем более, к глаголу, а только к существительному. Примеры из казахского: **балык** — «рыба», **балыкшы** — «рыбак»; **темір** — «железо», **темірші** — «кузнец».

«Тюркологам, получившим филологическое образование, — заметил тюрколог, — это положение известно. Но О. Сулейменову, похоже, — нет. Он считает, что было возможно образовать имя деятеля **кошци** — «кочевник» от казахского глагола **кош** — «кочуй».

Редактор журнала В. Озеров сообщил мне о готовящейся публикации. Я как раз был в Москве, зашел в редакцию. Прочитал статью. Виталий Михайлович Озеров, известный советский критик, секретарь Союза писателей, переживал за книгу и автора.

— Это правда, о чем написал Баскаков? Есть такой закон в казахской грамматике?

— Есть.

В кабинете редактора написал на нескольких страницах ответ на статью. Где сообщил некоторые особенности тюркской грамматики, видимо, не известные уважаемому тюркологу. О том, что во многих тюркских наречиях сохранилось много слов, выполняющих, не изменяя форму, одновременно две-три грамматические функции — имя существительное, глагол, прилагательное.

Например, турецкое **коч** (**кос**) — «кочуй» являлось и именем существительным «кочевье». В казахском таких примеров еще больше. **Кос** — 1) соеди-

няя, 2) соединение. От именной формы образуется имя деятеля: **кошши** — «присоединившийся», «сопровождающий». Переносных значений несколько: ординарец, адъютант, помощник. В каких-то ситуациях могло быть и «слуга». Но никогда не «раб».

Это слово — прямая аналогия **кошчи**, обнаруженного Коршем—Мелиоранским в каком-то тюркском наречии, близком к казахскому. Баскаков прав, что в казахском есть глагол **кош** (**кос**) «кочуй», но он не знает, что еще недавно это слово выступало и в именном значении — «кочевье». Жива еще старинная народная песня:

Каратаудын басынан кош келеді...

(С вершин Каратау спускается кочевье...)

В ту (старинную) пору и образовалось личное существительное **кошци** — кочевник, которое мы ныне вправе назвать первым древнеказахским словом, обнаруженным благодаря древнерусскому памятнику.

...В XX веке наш народ трагически расставался с тысячелетним кочевым образом жизни. Революционный переход к оседлости в черные 1930-е сократил численность этноса больше чем наполовину. И слово **кош** утратило свою грамматическую половину — именное значение: кочевий в степи больше не было. Потому и **кошци** — «кочевник» вышло из употребления (возможно, было запрещено), заменившись другими обозначениями сельского деятеля новой эпохи — «колхозник», «тракторист», «звеньевой».

Но литераторам требовалось слово взамен забытого для описания проклятого кочевое прошлого. Оно было создано грамматикой отрицания: **кош** — «кочуй»; **кошпе** — 1) «не кочуй», 2) «кочевье». **Кошпелі** — «кочевой». И в итоге вымучили усложненный термин «**кошпелі** адам» — «человек кочевой» — «кочевник». И это неуклюжее изобретение терминкома должно напоминать нам, что надо вернуть простое и древнее **кошци** в казахский язык!

Виталий Михайлович отдал исписанные мной листки на машинку и, созвонившись с Баскаковым, показал мой ответ.

Приведенные примеры оппонента, похоже, убедили: он забрал свою статью из журнала и нигде больше не предлагал. А я, признаться, жалею, что наша полемика тогда не увидела свет.

Двуязычное «слово»

Вслед за «**кошци**» мне открывались в «Слове» все новые тюркизмы. Они не выделялись, как ныне принято в научных текстах, шрифтами, и потому читатель, не знающий тюркского, понимал их как немало странные, но вроде бы русские слова.

Читателям древнерусских текстов приходилось разбираться в сплошных строках, не разделенных на отдельные слова. Но когда в тексте встречались иноязычные термины, это еще более усложняло чтение. Например, в части, где описывается набег половцев на русские города, сплошную строку «сеуримкртподсаблямиполовецкими» в списке для Екатерины разбили так: «Се у Рим кричат под саблями половецкими...» И вынуждены были перевести: «Это у Рима кричат под саблями половецкими...»

Засомневавшись через десятилетия, потратили много сил, чтобы отыскать городок или поселение с похожим названием где-нибудь поближе к Киеву.

А монах-переписчик XVI века, вероятно, знал татарское слово **урим** — «девичья коса», еще входившее в древнерусский лексикон, потому и оставил его в тексте, а не перевел. «Се урим кричат под саблями половецкими» — «Это девичьи косы кричат под саблями половецкими». Выходит, по автору, отрезанные саблями косы — знак девичьего бесчестия — плата за вероломное нападение Игоря на своего свата.

Вслед за отдельными «невидимыми тюркизмами» мне открывались куски текста, первоначально передававшие целые тюркские фразы, а то и несколько предложений кряду. Их понимали читатели XII века, но в XVI они уже были переведены на русский переписчиком (в «Аз и Я» об этом говорилось подробнее). Чем глубже вчитывался в такие строки памятника, тем яснее становилась догадка: оригинальный текст поэмы был писан человеком, знающим язык половцев. И писалась эта вещь для двуязычного читателя Киевской Руси XII века.

В «Аз и Я» проводилась параллель с русско-французским билингвизмом XIX века. Диалоги «Войны и мира», «Анны Карениной» писаны были для людей света, знающих французский не хуже, если не лучше, родного. В XX веке российское общество стало моноязычным — и Толстого пришлось переводить на русский.

Каждый развитой этнос в своей истории переживал периоды двуязычия. Порой неоднократно приходилось оказываться под влиянием различных иноязычных культур. И ничего постыдного в этой правде нет. На том обсуждении выступил В. Абаев, членкор, один из самых авторитетных в мире индоевропейцев. Сообщил, что его институт исследовал проблему билингвизма. Они насчитали, к примеру, более пятисот иранизмов в грузинском словаре. Такое количество заимствований служит неоспоримым доказательством былого грузино-персидского двуязычия. «Витязь в тигровой шкуре» — порождение долговременного союза этих двух народов. Любое великое произведение древно-

сти — плод взаимодействия культур. «Тюркизмы в русском языке, я думаю, не меньше, чем иранизмы в грузинском, — сказал Василий Иванович. — Если не больше. Нужны масштабные исследования в этом направлении».

В начале XIX века в России были обнаружены несколько искусных подделок под старинные рукописи. И «Слово о полку Игореве» сразу попало под подозрение. Яростные защитники до сих пор доламывают обломки копья Мазона и пик нескольких других скептиков из прошлого. Но я считаю, что именно следы былого двуязычия являются самым убедительным аргументом подлинности «Слова». Фальсификатору не нужно было так насыщать текст тюркским материалом. И беда этого бесценного литературного текста еще и в том, что вот уже два столетия прочесть и истолковать «Слово» пытались и талантливые, и трудолюбивые слависты, но не знавшие тюркских языков, и не придававшие этому фактору должного значения. Поэтому первая же попытка двуязычного «любителя» по-новому разобратся в проблеме прочтения «Слова» немедленно получила сокрушительный отпор «профессионалов». Они не только следов тюркского языка в «Слове» не нашли, но и поэтического языка вещи не поняли.

Как описана ночь накануне роковой битвы!..

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...»

Я подсчитал: очень много раз в «Слове» употребляется лексема **храбрый**, пришедшая в древнерусский из южнославянского языка. Но лишь однажды автор применяет русский полногласный вариант **хоробрый**. Почему?

Поэт ответит, что автор намеренно усилил в этой строке гармонию гласного **О** — самого минорного звука русской речи. Этот звук веками настоян на смыслах слов «холод», «голод», «зло», «зной», «мор», «стон», «горе», «Поле», «полон», «позор»...

Колокольный звон **О** предупреждает воинов о грядущем. Никакой фальсификатор не смог бы создать тонический подтекст такого совершенства. Но Академия не слышит ничего ценного в этой строке, и хладнокровно включают в школьные хрестоматии свой перевод: **«Дремлет в поле Олегово храброе гнездо...»** — грамматически правильный, но начисто разрушающий одно из убедительнейших свидетельств подлинности гениального «Слова».

И, завершая, хочу сказать, что «Слово о полку Игореве» — литературный памятник трех временных срезов — XII, XVI, XVIII веков — продолжает ждать исследователей. Не столько патриотов, сколько ученых, способных выявить, какая из правд, накопившихся в науке за века изучения памятника, является истинной. То есть — Истиной.